

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Тенденция к психологизации в оценке общественной опасности

Ильина В.А.

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

В статье отражены результаты исследования дискуссионных вопросов оценки общественной опасности. Сделаны выводы об имеющейся в настоящее время тенденции к психологизации в оценке общественной опасности как в правоприменительной практике, так и экспертной деятельности при оценке опасности лица для себя или других. Автор рассматривает психологизацию как явление негативное, сравнимое с нарушением границ профессиональной компетенции психологов. Данное явление, по мнению автора, «размывает» критерии объективной оценки общественной опасности за счет внедряемых субъективных признаков — опасности лица, совершившего преступление. В статье отмечается, что категория «общественная опасность» — конвенциональная уголовно-правовая категория, не совпадающая в полной мере с общепринятым толкованием этого термина. Автор считает, что приоритетным в исследованиях юридической психологии (в отличие от других отраслей психологии) и экспертной практике является законодательное толкование понятий. В статье указывается, что с методологических сторон психологизация есть редукция (сведение) сложного к простому, нарушение законов логики. Тенденция к психологизации может привести к тому, что государство начнет бороться не с преступлениями, а с лицами, обвиняемыми в совершении преступлений.

Ключевые слова: психологизация, общественная опасность, опасность личности, риск опасного поведения.

Для цитаты: Ильина В.А. Тенденция к психологизации в оценке общественной опасности [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 92–102. DOI:10.17759/psylaw.2024140207

Tendency Towards Psychologization in Assessing Public Danger

Valentina A. Ilyina

Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

The article reflects the results of a study of controversial issues of assessing public danger. Conclusions are drawn about the current trend towards psychologization in the assessment of social danger, both in law enforcement practice and in expert activities in assessing the danger of a person to himself or others. The author considers psychologization as a negative phenomenon, comparable to a violation of the boundaries of the professional competence of psychologists. This phenomenon, according to the author, “erodes” the criteria for an objective assessment of social danger due to the introduced subjective signs - the danger of the person who committed the crime. The article notes that the category “public danger” is a conventional criminal law category that does not fully coincide with the generally accepted interpretation of this term. The author believes that the legislative interpretation of concepts is a priority in the research of legal psychology (as opposed to other branches of psychology) and expert practice. The article points out that from the methodological aspects, psychologization is a reduction (reduction) of the complex to the simple, a violation of the laws of logic. The tendency towards psychologization can lead to the state starting to fight not against crimes, but against persons accused of committing crimes.

Keywords: psychologization, public danger, personal danger, risk of dangerous behavior.

For citation: Ilyina V.A. Tendency Towards Psychologization in Assessing Public Danger. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 2, pp. 92–102. DOI:10.17759/psylaw.2024140207 (In Russ.).

Введение

В современной научной литературе упоминается, что, начиная со второй половины 1990-х годов отмечается тенденция к психологизации юридической практики. Процесс психологизации права исследователи в области юридической психологии видят как закономерный, так как «совершенствование правового механизма регуляции правоприменительной деятельности не может быть полноценным без психологической составляющей». При этом «психологизация» понимается как «...определенный уровень синтеза психолого-юридического знания» [21, с. 7—8]. В ответ на критику, касающуюся того, что избыточная психологизация правосудия служит источником для «...произвольных решений и формальных псевдообоснований» [22, с. 41], утверждается, что «...тенденция к психологизации в настоящее время объясняется возрастанием в обществе количества неравновесных, слабоструктурированных, творческих проблем, которые не входят исключительно в сферу воздействия категории “правовая система”, не поддаются однозначной формулировке и не могут быть решены вне системного подхода» [21, с. 11]. Несмотря на отсутствие относимости данного аргумента к проблеме, а также на то, что системный подход к исследованию и нарушение границ компетенции — это не антиподы, подчеркнем, что проблема психологизации видится психологами и юристами по-разному. Первые (психологи), как правило, отмечают положительный смысл данного явления, вторые (юристы) — негативный. Высвеченный вновь на междисциплинарном уровне дуализм мнений видится нами как проблема, требующая своего анализа и осмысления, что выступает в качестве цели настоящего исследования.

Результаты и обсуждение

Известный ученый в области правовых наук В.В. Никулюк неоднократно обращает внимание на негативный аспект психологизации в праве, подчеркивая, что в ходе происходящей «психологизации» уголовного процесса проявляется множество неопределенных ситуаций,

обусловленных, в том числе, и недостаточным взаимодействием в данной сфере между психологами, соприкасающимися с уголовным судопроизводством, и учеными-процессуалистами. Элементарное недопонимание природы процесса доказывания, который в основе своей имеет не только познавательную, но и жестко формализованную, удостоверительную составляющие, приводит к спорным, а зачастую и просто неверным выводам [11, с. 83].

Психологизация носит не только отрицательный юридический, но и такой же недобрительный социально-психологический характер. Она отражается на приоритетах индивидуализма, формирует социофобию и другие негативные последствия. «Массовое распространение психологического знания и практик, — пишет Д.А. Хорошилов, — приводит к психологизации общества, т. е. к объяснению окружающего мира и жизненных проблем только с помощью психологических категорий. Человек фиксируется на своих внутренних переживаниях и личном саморазвитии, тем самым дистанцируется от социальных событий и изменений» [20, с. 447].

Нами психологизация в юридической психологии также понимается как негативное явление. Как категория «психологизация» не имеет ничего общего с наукой психологией, ее принципами, границами компетенции. Как явление, приводящее к одностороннему видению той или иной проблемы. С методологических сторон психологизация есть редукция (сведение) сложного к простому, нарушение закона тождества.

Одними из дискуссионных в сфере правоприменения в настоящее время, связанными с тенденцией к психологизации, являются вопросы оценки общественной опасности, в канву которых незаметно вплетается психологическая составляющая, нарушающая объективный характер оценки общественной опасности.

Известно, что категория «общественная опасность» — это уголовно-правовая категория, носящая конвенциональный смысл. Юристы вкладывают в данную категорию те критерии, которые используются ими при реализации права. Данное понятие может не совпадать с общепринятым толкованием этого термина. Однако, когда речь идет о юридической психологии (не всякой другой психологии), приоритетными в исследованиях психолого-правовых явлений становятся критерии понятий, заданные законодателем. Иначе научный синтез психологии и права невозможен. Для юридических психологов это положение звучит как аксиома. В части же того, что наука есть локомотив прогресса, применительно к прикладным правовым наукам отметим, что законодатель «пойдет» за психологией только в случае научно обоснованных вновь открытых фактов, но синтезированных с правовыми категориями.

Общественная опасность с точки зрения уголовного права есть объективное (материальное) свойство деяния, способного причинить вред общественным отношениям и интересам. Наличие в действии (бездействии) человека признака общественной опасности является основополагающим для принятия решения о признании деяния преступлением. В соответствие со ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) преступлением признается только виновно совершенное общественно опасное деяние. В ст. 5 УК РФ указано, что лицо подлежит ответственности только за общественно опасные действия (бездействие). Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности (ст. 6 УК РФ). При этом, чем выше общественная опасность, тем строже наказание.

Между тем в ряде научных работ наряду с объективными факторами общественной опасности имеется тенденция к выделению фактора *субъективного* характера (т. е. опасность лица, совершившего преступление). Например, отмечается, что «...общественная опасность —

это причиненный вред или угроза его причинения, исходящие от лица, обязанного воздержаться от посягательства на охраняемый уголовно-правовой нормой объект, а также его злонамеренность, отражающая уровень потенциальной возможности совершения им нового преступления» [15, с. 8]. Данная тенденция способна привести к формальному пониманию преступления по образцу зарубежных стран [10, с. 466—472], без необходимого обоснования криминализации и декриминализации деяний [12, с. 24—28].

Следует вспомнить, что как правовая категория общественная опасность появилась в теории уголовного права в ее советский период. В начале становления советского общества, когда происходило столкновение западно-буржуазной и отечественной науки [5], в советском уголовном праве преступление определялось как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние». Что касается личности, подлежащей уголовной репрессии, — отмечает И.Я. Гонтарь, — то уголовное законодательство того времени воздерживалось от того, чтобы выделить и легально закрепить какие-либо черты, присущие этой социальной группе» [4, с. 8].

В 1922 году уголовный закон в своей новой редакции использует категорию общественной опасности только для характеристики деяний, но не опасности лица, совершившего преступление. В редакции уголовного закона 1926 года стала выделяться определенная категория лиц, совершивших общественно опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, к которой могли применяться меры социальной защиты судебного-исправительного, медицинского или медико-педагогического характера (ст. 7 УК РСФСР).

В уголовном кодексе СССР 1961 года и действующем уголовном законе речь идет также о защите от преступлений, а не от личности. Понимание общественной опасности советского периода в его объективных критериях сохранилось в нормативных актах и в настоящее время. Кроме того, в строго академических учебниках по уголовному праву пишется, что «по российскому уголовному праву не может иметь место уголовная ответственность за какие-либо “опасные мысли”, “опасное состояние личности”, не выразившиеся в совершении лицом конкретного общественно опасного деяния. Равным образом не означает наличие преступления само по себе наступление того или иного вреда, если не установлено, что этот вред причинен противоправным деянием. Именно деяние является тем стержнем, вокруг которого концентрируются все остальные признаки объективной стороны» [18, с. 83].

Несмотря на то, что понятия «преступление» и «наказание» давно демаркированы, несмотря на то, что высшая судебная инстанция высказала свое мнение по поводу оценки общественной опасности только по объективным критериям, тем не менее споры в части оценки опасности деяния (объективный критерий) и деятеля (субъективный признак, но не критерий) не утихают.

Например, исследователи, ставя объективные критерии общественной опасности под сомнение, на отдельных примерах рассуждают следующим образом: «Мы попытаемся представить себе, какую объективную опасность, например, таит в себе случай хранения огнестрельного оружия без соответствующего разрешения, если владелец хранит его в течение многих лет и в очень надежном месте, если это оружие представляет для него прежде всего ценность как редкий экземпляр. Признаемся, у нас не хватило воображения, чтобы как-то представить общественную опасность этого случая в каком-то объективном измерении» [4,

с. 8]. Отвечая на поставленный вопрос, хотелось бы отметить, что воображение здесь не причем. В анализе вышеприведенного случая важны знания, — знания о психологических закономерностях поведения человека в ситуациях стресса. Из основ психологии экстремальных ситуаций следует, что репертуар копинг-стратегий (возможностей совладающего поведения) [13, с. 234, 280; 3, с. 110] и психологических защит в ситуации опасности у такого человека существенно сужается, по сравнению с тем, у кого оружия в наличии нет. Последний продумывает варианты ухода от опасности бегством, переговорами и другими способами; хранящий же оружие скорее прибегнет применить его. Вероятность криминальной агрессии с использование оружия возрастает при наличии у лица психических расстройств, акцентуаций характера по истероидному, психопатическому или шизоидному типам. Доказывать в дальнейшем необходимую оборону достаточно сложно.

На важность учета исключительно объективных критериев общественной опасности указал Верховный Суд Российской Федерации. В постановлении Пленума от 22.12.2015 № 58 «О назначении судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее — Постановление) высшая судебная инстанция указала, что «характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления». То есть речь идет о квалификации деяния. При этом характер общественной опасности — это направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень же общественной опасности — конкретные обстоятельства содеянного (наступившие последствия, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении и др.). К степени общественной опасности относятся и обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

Из положений указанного Постановления следует, что общественная опасность личности не оценивается. Согласно данному акту личность лица, совершившего преступление, исследуется лишь с назначением *наказания*, но не в связи с оценкой общественной опасности.

К сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым, в частности, относятся данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников).

В части объективных критериев оценки общественной опасности позиции Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации совпадают. В постановлении от 11.12.2014 № 32 Конституционный Суд Российской Федерации указывает на несоразмерность наказания общественной опасности преступления, но не связывает его с опасностью личности. Между тем в данном постановлении высказано особое мнение судьи К.В. Арановского. «Что касается несоразмерности наказания мере общественной опасности деяния, — отмечает К.В. Арановский, — то саму эту меру в конституционном правосудии нельзя уверенно и общим образом определить. Для этого нет метрической шкалы, условных единиц криминальной опасности... <...> Общественная опасность — не только объективный риск, тем более что и его при всей реальной объективности нельзя точно измерить и вполне заранее выразить. Общественная опасность — еще и человеческое, субъективное состояние, и в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народовластия и в силу законодательных полномочий».

Несмотря на несогласие большинства судей с особым мнением, судебная практика в ряде регионов России заимствовала данную идею. Так, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции выразил частное мнение в постановлении от 09.02.2023 по делу № 77-555/2023, в котором указал, что общественная опасность — есть свойство (качество) лица, совершившего преступление: «по смыслу закона, деятельное раскаяние может влечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным. Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности».

Вышесказанное позволяет сделать выводы о том, что категория общественной опасности теряет свою правовую сущность, становясь субъективным понятием, открывает шлюзы, позволяющие использовать его по усмотрению.

Психологизацию в настоящее время можно наблюдать и в экспертной деятельности по оценке опасности лица, обвиняемого в преступлении и страдающего психическим расстройством. Известно, что оценка опасности такого лица производилась исключительно в рамках судебно-психиатрических экспертиз и традиционно входила в компетенцию экспертов-психиатров [17, с. 74]. В случаях психических расстройств, — отмечает О.А. Макушкина, — криминологические методы предвидения и предупреждения риска общественной опасности непригодны, поэтому вопросы общественной опасности в отношении лиц с психическими расстройствами отнесены к компетенции общей психиатрической практики и судебно-психиатрической деятельности [7, с. 49].

Здесь важно уточнить, что экспертами-психиатрами производится оценка опасности лица на предмет — «опасности для себя или других лиц» (ст. 97 УК РФ), но не в целом общественной опасности. Кроме того, данная оценка производится для решения судом вопроса о назначении такому лицу принудительных мер медицинского характера (ПММХ). Вопросы о применении ПММХ — это вопросы исключительно психиатрии (нуждается или не нуждается обвиняемое лицо в лечении).

Между тем, если ранее вопрос оценки опасности лица, обвиняемого в преступлении, решался психиатрами, то в настоящее время, в связи со сменой парадигмы в психиатрии (концепции триады факторов — «синдром—личность—ситуация») [7, с. 50], в решение данного вопроса включены и психологи. Данная парадигма базируется на научно обоснованном утверждении о том, что само по себе наличие психического расстройства не является непосредственной причиной общественной опасности [8, с. 112]. Кроме того, как справедливо отмечает профессор Ф.С. Сафуанов, «...в компетенцию психолога входят особенности психической деятельности человека, независимо от того, обусловлены они патологическими или непатологическими факторами» [14, с. 34].

В связи с этим, несмотря на доминирование клинического подхода при решении вопроса о риске опасного поведения лица, страдающего психическим расстройством, в практике судебной психиатрии в настоящее время осуществляется комплексная оценка факторов риска, включающая предметную область не только психиатрии, но и психологии. Для этих целей адаптируются и разрабатываются математико-статистические методы оценки риска опасного поведения с психологическими критериями (например, структурированная оценка риска опасного поведения (СОРОП) [9], «Деревья классификаций» [1; 2] и др.). Адаптируется активно зарубежный опыт производства комплексных экспертиз по оценке риска опасного поведения. Так, исследователи, обобщив подходы к оценке общественной опасности зарубеж-

ных экспертных практик, показали на фактическое комплексование знаний экспертов-психиатров и экспертов-психологов [19, с. 21—22].

На необходимость при оценке риска опасного поведения уделять внимание не только клиническим, но и социально-психологическим факторам указывают и отечественные исследователи. Так, по мнению О.А. Макушкиной и соавторов, факторы риска опасного поведения должны оцениваться как минимум по пяти основным осям: клинической, патопсихологической, психосоциальной, личностной и адаптационной [8, с. 114]. В их основе лежит признание значения в генезе общественной опасности психопатологических и ситуационных факторов, а также личностных особенностей [7, с. 50].

Заключение

Подводя итог, отметим, что в целом нами не оспариваются теоретически верные и научно обоснованные данные о влиянии социально-психологических факторов на поведение лица с психопатологией или без нее, как не ставится под сомнение и учет этих факторов в оценке криминального поступка и личности обвиняемого. Между тем с методологической стороны производства судебных экспертиз по вопросу оценки опасности лица для себя или других нами видятся нарушения в части выхода за пределы своей профессиональной компетенции экспертами-психологами. Полагаем, что в случае неочевидности влияния психического расстройства на прогнозы опасного поведения психиатрами вопросы должны быть адресованы в сторону методов психиатрии, а не психологии. Известно, что обосновать психологическими теориями можно многие феномены поведения человека, тем более если данные об этих феноменах экспериментально доказаны. Принципиально важно, по нашему мнению, принять во внимание то, что современные достижения в экспериментальной психологии в части раскрытия социально-психологических факторов в поведении лиц с психопатологией [16] до момента включения этих факторов в «патопсихологический симптомокомплекс» [6, с. 55] того или иного психиатрического диагноза, должны оставаться исключительно в рамках вопросов, отнесенных к компетенции эксперта-психолога. В противном случае намеченная в последнее время тенденция к психологизации, идущая параллельно в экспертной практике и практике правоприменения, приведет к тому, что государство начнет бороться не с преступлениями, а с лицами, обвиняемыми в преступлениях. В качестве перспективы дальнейших исследований в области юридической психологии по выделенной проблеме автор видит теоретическое и методологическое обоснование оценки общественной опасности как экспертной и уголовно-правовой категории.

Литература

1. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Лысенко Н.Е., Шмакова Е.В. Моделирование факторов риска криминального рецидива у лиц с тяжелыми психическими расстройствами [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Том 10. № 51. doi:10.54359/ps.v10i51.395
2. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Токарева Г.М., Лысенко Н.Е. Взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 1. С. 105–119. doi:10.17759/psylaw.2016060109
3. Гарнаева Г.И., Шишова Е.О. Особенности психологических защит и копинг-стратегий несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 107–118. doi:10.17759/psylaw.2023130108

4. Гонтарь И.Я. Категория общественной опасности в российском уголовном праве: история становления и современное понимание // История государства и права. 2008. № 1. С. 8–9.
5. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1984. 192 с.
6. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М.: Издательство Московского университета, 1999. 497 с.
7. Макушкина О.А. Оценка риска общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами // Социальная и клиническая психиатрия. 2017. Том 27. № 3. С. 49–55.
8. Макушкина О.А., Анисимова Т.Г., Макушкин Е.В. Проблема оценки риска опасности лиц, страдающих психическими расстройствами // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2014. Том 114. № 11. С. 111–115.
9. Макушкина О.А., Муганцева Л.А. Методика структурированной оценки риска опасного поведения лиц, страдающих психическими расстройствами // Психическое здоровье. 2016. № 10 (125). С. 18–26.
10. Мирошниченко Н.В., Максимов В.Ю. Понятие преступления и классификация преступлений в уголовном праве зарубежных стран [Электронный ресурс] // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Том 10. № 3. С. 466–472. doi:10.37493/2409-1030.2023.3.14
11. Николук В.В. «Письмо двенадцати» о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы в контексте российской модели уголовно-процессуального доказывания // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: Материалы Международной научно-практической конференции (18-19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 2. Красноярск, 2021. С. 80–88.
12. Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. К вопросу об обусловленности процессов криминализации и декриминализации деяний [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2023. № 3. С. 24–28. doi:10.18572/1812-3783-2023-3-24-28
13. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: Учебник. М.: Юрайт, 2021. 379 с.
14. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарики; Смысл, 1998. 192 с.
15. Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 24 с.
16. Телешева К.Ю., Сторожева З.И., Мямлин В.В., Киренская А.В., Сафуанов Ф.С. Психофизиологические корреляты личностных факторов импульсивной агрессивности у лиц с расстройствами личности и у психически здоровых [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 1. С. 107–121. doi:10.17759/exppsy.2020130108
17. Ткаченко А.А. Судебная психиатрия. Консультирование адвокатов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 504 с.
18. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. М.: Институт международного права и экономики, 1997. 320 с.
19. Усюкина М.В., Корнилова С.В., Булыгина В.Г. Клинико-психологические факторы общественной опасности больных эпилепсией (структурно-динамический подход) // Российский психиатрический журнал. 2008. № 2. С. 21–25.
20. Хорошилов Д.А. Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Том 13. Вып. 4. С. 447–461. doi:10.21638/spbu16.2023.401

21. Шаранов Ю.А., Кобозев И.Ю., Антилогова Л.Н. Самоусиление тенденции к психологизации права в современном юридическом дискурсе [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Том 27. № 1 (88). С. 6–17. doi:10.24412/1999-6241-2022-188-06-17
22. Шувалов И.И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования: Монография. М.: Норма, 2005. 144 с.

References

1. Bulygina V.G., Dubinsky A.A., Lysenko N.E., Shmakova E.V. Modelirovanie faktorov riska kriminal'nogo retsidiva u lits s tyazhelymi psikhicheskimi rasstroistvami [Modelling of the risk factors of criminal reoffending among persons with severe mental disorders] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 51. doi:10.54359/ps.v10i51.395 (In Russ.).
2. Bulygina V.G., Dubinsky A.A., Tokareva G.M., Lysenko N.E. Vzaimosvyaz' mezhdru faktorami riska nasiliya i zashchitnymi faktorami u psikhicheski bol'nykh s kriminal'nym anamnezom [The relationship between violence risk factors and protective factors among mentally ill offenders] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 1, pp. 105–119. doi:10.17759/psylaw.2016060109 (In Russ.).
3. Garnaeva G.I., Shishova E.O. Osobennosti psikhologicheskikh zashchit i koping-strategii nesovershennoletnikh pravonarushitelei [Features of Psychological Defense Mechanisms and Individual Coping Strategies of Juvenile Delinquency] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 107–118. doi:10.17759/psylaw.2023130108 (In Russ.).
4. Gontar I.Ya. Kategoriya obshchestvennoi opasnosti v rossiiskom ugolovnom prave: istoriya stanovleniya i sovremennoe ponimanie. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2008, no. 1, pp. 8–9. (In Russ.).
5. Zakatov A.A. Lozh' i bor'ba s neyu. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 192 p. (In Russ.).
6. Kudryavtsev I.A. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza (nauchno-prakticheskoe rukovodstvo). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1999. 497 p. (In Russ.).
7. Makushkina O.A. Otsenka riska obshchestvenno opasnogo povedeniya lits s psikhicheskimi rasstroistvami [Risk assessment of socially dangerous behavior of persons with mental disorders]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya = Social and Clinical Psychiatry*, 2017. Vol. 27, no. 3, pp. 49–55. (In Russ.).
8. Makushkina O.A., Anisimova T.G., Makushkin E.V. Problema otsenki riska opasnosti lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami [Problems of risk assessment of dangerous actions in people with mental disorders]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii imeni S.S. Korsakova = S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 2014. Vol. 114, no. 11, pp. 111–115. (In Russ.).
9. Makushkina O.A., Mugantseva L.A. Metodika strukturirovannoi otsenki riska opasnogo povedeniya lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami [Methodology a structured risk assessment behavior of persons with mental disorders]. *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental Health*, 2016, no. 10 (125), pp. 18–26. (In Russ.).
10. Miroshnichenko N.V., Maksimov V.Yu. Ponyatie prestupleniya i klassifikatsiya prestuplenii v ugolovnom prave zarubezhnykh stran [The concept of crime and the classification of crimes in the criminal law of foreign countries] [Elektronnyi resurs]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*

= *Humanities and Law Research*, 2023. Vol. 10, no. 3, pp. 466–472. doi:10.37493/2409-1030.2023.3.14 (In Russ.).

11. Nikolyuk V.V. “Pis'mo dvenadtsati” o nepravomernosti opredeleniya dostovernosti pokazanii putem sudebnoi ekspertizy v kontekste rossiiskoi modeli ugovovno-protseessual'nogo dokazyvaniya [“Letter of the twelve” on the illegality of determining the reliability of testimony by forensic examination in the context of the Russian model of criminal procedural evidence]. *Obespechenie prav uchastnikov ugovovnogo sudoproizvodstva s ogranichennymi vozmozhnostyami: kompensatornyi podkhod: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (18-19 iyunya 2021 goda, g. Krasnoyarsk)*. Chast' 2. Krasnoyarsk, 2021, pp. 80–88. (In Russ.).

23. Pisarevskaya E.A., Dvorzhitskaya M.A. K voprosu ob obuslovlennosti protsessov kriminalizatsii i dekriminalizatsii deyanii [On conditionality of processes of criminalization and decriminalization of actions] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2023, no. 3, pp. 24–28. doi:10.18572/1812-3783-2023-3-24-28 (In Russ.).

12. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: Uchebnik. Moscow: Yurait, 2021. 379 p. (In Russ.).

13. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovovnom protsesse: Nauchno-prakticheskoe posobie. Moscow: Gardariki; Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.).

14. Solodkov I.A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya i ee ugovovno-pravovoe izmerenie: Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. Saratov, 2013. 24 p. (In Russ.).

15. Telesheva K.Yu., Storozheva Z.I., Myamlin V.V., Kirenskaya A.V., Safuanov F.S. Psikhofiziologicheskie korrelyaty lichnostnykh faktorov impul'sivnoi agressivnosti u lits s rasstroistvami lichnosti i u psikhicheskii zdorovykh [Psychophysiological correlates of personality factors of impulsive aggression in subjects with personality disorders and in mentally healthy subjects] [Elektronnyi resurs]. *Ekspertimetal'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 1, pp. 107–121. doi:10.17759/exppsy.2020130108 (In Russ.).

16. Tkachenko A.A. Sudebnaya psikhiaetriya. Konsul'tirovanie advokatov. 2nd ed. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos, 2006. 504 p. (In Russ.).

17. Raroga A.I. (Ed.). Ugovovnoe pravo. Obshchaya chast': Uchebnik. Moscow: Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki, 1997. 320 p. (In Russ.).

18. Usyukina M.V., Kornilova S.V., Bulygina V.G. Kliniko-psikhologicheskie faktory obshchestvennoi opasnosti bol'nykh epilepsiei (strukturno-dinamicheskii podkhod) [Clinico-psychologic factors of social danger posed by epileptic patients (structural-dynamic approach)]. *Rossiiskii psikhiaatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2008, no. 2, pp. 21–25. (In Russ.).

19. Khoroshilov D.A. Individualizatsiya i psikhologizatsiya sovremennogo obshchestva kak faktory oslableniya sotsial'nykh svyazei [Individualization and psychologization of modern society as factors of weakening social ties] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2023. Vol. 13, no. 4, pp. 447–461. doi:10.21638/spbu16.2023.401 (In Russ.).

20. Sharanov Yu.A., Kobozev I.Yu., Antilogova L.N. Samousilenie tendentsii k psikhologizatsii prava v sovremennom yuridicheskom diskurse [Self-Strengthening of the trend towards Psychologization of Law in Modern Legal Discourse] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2022. Vol. 27, no. 1 (88), pp. 6–17. doi:10.24412/1999-6241-2022-188-06-17 (In Russ.).

21. Shuvalov I.I. Pravotvorchestvo v mekhanizme upravleniya obshchestvom: neobkhodimost' kompleksnogo issledovaniya: Monografiya. Moscow: Norma, 2005. 144 p. (In Russ.).

Ильина В.А.
Тенденция к психологизации
в оценке общественной опасности
Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 92–102

Ilyina V.A.
Tendency Towards Psychologization
in Assessing Public Dan-ger
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 2, pp. 92–102

Информация об авторах

Ильина Валентина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Information about the authors

Valentina A. Ilyina, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Organization and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Получена 29.01.2024
Принята в печать 24.03.2024

Received 29.01.2024
Accepted 24.03.2024